

Роман Абисогомян (Таллин)
Убить полпреда,
или покушение, которого не было

В 1927 г. в связи с ухудшением англо-советских отношений, закончившимся 27 мая разрывом со стороны Великобритании торговых и дипломатических отношений с СССР, в среде русской военной эмиграции наблюдался новый всплеск активности, связанный с надеждами на начало новой масштабной интервенции против советской власти в России. Эстонии в этих планах также отводилась отдельная роль.

В конце февраля 1927 г. в Эстонию приехал видный эмигрантский деятель Борис Суворин, который встречался с руководителем отдела РОВС'а в Эстонии ген. А. К. Байовым и полк. Б. В. Энгельгардтом, а также с министром иностранных дел Эстонии. По сообщению агента Иностранного отдела ОГПУ СССР, одной из основных задач посещения Сувориным Эстонии было «зондирование почвы Балтийских государств в целях их использования в качестве базы для предполагаемой интервенции против СССР»¹.

Радикальная часть РОВС'а во главе с генералом А. П. Кутеповым стремилась использовать складывавшуюся, как казалось, отрицательно для СССР международную обстановку и обострившийся внутривластный конфликт в СССР. Однако Кутепов считал, что иностранные правительства окажут материальную поддержку «только в том случае, если белая эмиграция докажет свою жизнеспособность тем, что будет активно бороться с Советской властью»². Он был убежден, что наиболее эффективным методом такой борьбы является террор, поэтому на совещании со своими сотрудниками в марте 1927 г. в Териоках он предложил присту-

© Roman Abisogomjan, 2010

© TSQ 34. Fall 2010 (<http://www.utoronto.ca/tsq/>)

¹ *Бойков В.* Русские в Эстонии (по материалам ОГПУ СССР) // Балтийский архив: Рус. культура в Прибалтике. Рига, 1999. Т. V. С. 77.

² *Шкаренков Л. К.* Агония белой эмиграции. М., 1986. С. 155.

пить к активным террористическим действиям. С начала июня боевики РОВС'а провели ряд диверсий и покушений. Если попытка группы М. В. Захарченко-Шульц в Москве не увенчалась успехом, то взрыв в ленинградском партийном клубе был осуществлен. Последовавшие вслед за тем убийства посла СССР в Польше П. Л. Войкова и белорусского чекиста И. К. Опанского произвели определенный эффект и вызвали международный резонанс.

Однако разоблачения бежавшего из СССР в Финляндию Стауница-Опперпута, свидетельствовавшие о том, что организация «Трест» является ничем иным, как грандиозной мистификацией советских спецслужб, нанесли серьезный удар по всей белой эмиграции и в первую очередь по деятельности и репутации А. П. Кутепова. Вероятно, еще до июньских терактов глава РОВС'а стал активно вовлекать в свои планы и эстонское отделение союза, которое до этого, кажется, выполняло лишь вспомогательные задания, связанные, в основном, с переброской боевых групп. Известно, что в 1927 г. Кутепов встречался в Риге с Энгельгардтом³. Когда точно эта встреча состоялась и о чем на ней шла речь, нам неизвестно, но можно предположить, что Кутеповым были даны инструкции по осуществлению террористической деятельности, направленной против советских представителей в Эстонии и в самом СССР.

Активизация русских монархистов в Эстонии была очевидна и для полиции, и для общественности. Эстонская полиция неустанно следила за их действиями с начала 1920-х годов. За их деятельностью внимательно следила и советская разведка и неоднократно через полномочного представителя СССР в Эстонии осуществляла по этому вопросу давление на эстонское правительство⁴. Определенную озабоченность эстонских властей вызвало выступление русских монархистов на лекции П. Н. Милюкова, состоявшейся 19 мая 1927 г. в концертном зале «Эстония». На лекции присутствовало много эстонских государственных, политических и военных деятелей, и поэтому обструкция, устроенная Милюкову местными монархистами, не могла остаться неза-

³ См. об этом, напр.: *Исаков С. Г.* Б. В. Энгельгардт: Опыт жизнеописания // *Биографика I: Рус. деятели в Эстонии XX века / Сост. и отв. ред. проф. С. Исаков.* Тарту, 2005. С. 210.

⁴ См. об этом: *Документы внешней политики СССР.* М., 1965. Т. X. С. 581.

меченной⁵. Постановлением исполняющего обязанности министра внутренних дел генерала Н. Реэка все лица, привлеченные по этому делу (журналист и в то время активный деятель местной монархической организации А. В. Чернявский, полк. А. А. Кулицкий, корнет С. Н. Ивков, художник Г. А. Тальма и паcынок главы местных русских военных организаций ген. Байова С. В. Заркевич) должны были покинуть Эстонию, но на самом деле уехал только полк. А. А. Кулицкий, являвшийся гражданином Литвы; остальные, как не имеющие какого-либо гражданства, были сосланы на остров Кихну⁶.

Почти сразу после этих событий с военной службы был уволен ген. Д. К. Лебедев. Официальное объяснение причины его отставки было весьма странным: Лебедев якобы послал официальное письмо в Финляндию на шведском языке, хотя должен был писать по-эстонски⁷. По информации советской разведки в Эстонии, его уволили «за монархизм»⁸. По аналогичной причине еще в феврале того же года из страны был выслан член местного отдела Высшего монархического совета и один из делегатов от Эстонии на Зарубежном съезде 1926 г. П. Н. Яхонтов. В печати сообщалось, что причиной высылки тоже являлось письмо — или, точнее, его содержание, — которое он отправил видному монархисту герцогу Г. Н. Лейхтенбергскому⁹.

После убийства 7 июня в Варшаве посла СССР Войкова в эстонских газетах стали писать о том, что таллинский Русский клуб превратился в «гнездо монархистов», и на одном из его собраний якобы обсуждался вопрос о выступлении против советских представителей в Таллине¹⁰. 15 июня 1927 г. Байов и др. были

⁵ См.: *Бойков В.* Указ. соч. С. 79.

⁶ См.: <Б. п.> Постановление и <сполняющего> о <язанности> министра внутренних дел Реэка // *Наша газета.* 1927. 21 мая. № 50. С. 4.; <Б. п.> Кулицкий едет во Францию // *Вести дня.* 1927. 15 июля. № 187, С. 1.

⁷ См.: <Б. п.> Уход со службы ген. Лебедева // *Наша газета.* 1927. 24 мая. № 53. С. 4.

⁸ См.: *Бойков В.* Указ. соч. С. 84.

⁹ См.: <Б. п.> П. Н. Яхонтов уехал в Париж // *Вести дня.* 1927. 14 февр. № 44. С. 1.

¹⁰ См. об этом: <Б. п.> К уходу совета старейшин Русского клуба // *Наша газета.* 1927. 18 июня. № 73. С. 3; <Б. п.> Слухи о готовящемся выступлении монархистов ложны // *Вести дня.* 1927. 18 июня. № 161. С. 1.

вызваны в отделение эстонской политической полиции, где состоялся допрос на предмет участия их в монархических организациях. На допросе все всячески отрицали факт существования в Эстонии монархической организации, хотя некоторые честно заявляли, что являются убежденными монархистами¹¹. Никаких репрессивных мер не было принято, и дело закрыли.

Если ген. Байову, ввиду наличия среди высшего военного руководства страны покровителей и заступников, каждый раз удавалось избегать высылки из страны или другого вида наказания, то его оппоненту ген. О. П. Васильковскому явно не везло, т. к. он был в определенной степени изгоем и среди русских военных в Эстонии, и среди эстонских военных, и среди русских военных за рубежом. Не успели еще утихнуть разговоры о русских монархистах в Русском клубе, как в газетах появилось сообщение о том, что арестован генерал Васильковский. Васильковскому было предъявлено обвинение «в проявлении деятельности, угрожающей миру и безопасности Эстонского государства»; реально же вина Васильковского заключалась в укрытии у себя нелегально прибывшего из Ленинграда некоего Н. А. Вольского, который, вероятно, был одним из агентов Васильковского. По постановлению министра внутренних дел Я. Хюнерсона Васильковский приговоривался к штрафу в 50 000 эстонских марок или одному месяцу тюрьмы и высылке из Эстонии. В результате Васильковский отсидел в тюрьме положенный срок и в августе был выслан на о. Хийумаа, откуда вернулся лишь летом 1928 г.¹²

Все-таки имеются основания полагать, что местным отделением РОВС'а готовилось покушение на советского полпреда. В материалах Иностранного отдела ОГПУ СССР в Эстонии содержатся сведения о том, что по указанию из центра местные монархисты должны были совершить теракт сразу же после убийства Войкова,

¹¹ См.: Eesti Riigiarhiiv (Государственный архив Эстонии; далее — ERA). Ф. 1. Оп. 7. Ед. хр. 28. Л. 189—189 об.

¹² <Б. н.> Новая высылка русских эмигрантов // Вести дня. 1927. 29 июня. № 171. С. 1; <Б. н.> Подробности причин высылки О. П. Васильковского и других // Вести дня. 1927. 30 июня. № 172. С. 1; Мин И. Хюнерсон о высылке четырех // Вести дня. 1927. 1 июля. № 173. С. 1; <Б. н.> Ген. Васильковский уезжает из Ревеля в четверг // Вести дня. 1927. 9 авг. № 212. С. 1; Eesti Riigiarhiivi filiaal (Филиал Государственного архива Эстонии; далее — ERAF). Ф. 129. Оп. 1. Ед. хр. 28966. Л. 58.

т. е. после 7 июня. Монархистам даже удалось завербовать эстонского полицейского, который стоял на посту недалеко от советского посольства. От него монархисты получали сведения о том, когда уезжает и приезжает машина полпреда, кто, когда и приблизительно в какое время выезжает и приезжает в посольство. Однако по каким-то причинам покушение было сорвано¹³. Стоит предположить, что советская разведка, ввиду осведомленности о планах монархистов, сумела предупредить их действия, пустив информацию об их приготовлениях в прессу. Таким образом, шумный скандал и разбирательство вокруг собраний русских монархистов в Русском клубе нарушили их планы.

Однако несмотря на подобного рода неудачи, ген. Кутепов продолжал настаивать на осуществлении терактов, посылая письма и инструкции Байову и Энгельгардту, которые, в свою очередь, отвечали, что подготовка к покушению продолжается и что после некоторых подготовительных работ решено произвести теракт в конце октября — начале ноября 1927 г. С докладом о результатах подготовительной работы, а также для доставки большого объема разведанных о Советской армии и флоте в Париж к Кутепову был отправлен курьер¹⁴. Но еще до его возвращения разразился очередной скандал.

Появившаяся в эстонской печати информация о том, что русские монархисты готовили очередную провокацию, направленную против полномочного представительства СССР в Эстонии, стала очередной сенсацией¹⁵. 24 октября эстонской полицией были произведены обыски в Комитете русских эмигрантов, у ген. А. К. Байова, кн. С. П. Мансырева, полк. Б. В. Энгельгардта, бар. А. В. Иксуля и др. В результате обысков была конфискована переписка и монархическая литература. У эстонской полиции имелись подозрения, что монархисты в Эстонии создали весьма серьезную организацию, обладавшую солидной материальной ба-

¹³ См.: ERAF. Ф. 138. Оп. 1. Ед. хр. 47. Л. 183.

¹⁴ См.: Там же.

¹⁵ См.: <Б. п.> Остерегайтесь провокаторов // Вести дня. 1927. 25 окт. № 289. С. 1; Pagulaste salaseptsuste tähe all // Päevaleht. 1927. 25. okt. No 291. Lk. 4; Minevuku varjud // Postimees. 1927. 25. okt. No 290. Lk. 1; Eesti provokatsioonide keerises // Rahva Sõna. 1927. 25. okt. No 198. Lk. 1; Kas mingi tšheka käsi mängus? // Kaja. 1927. 25. okt. No 248. Lk. 3; Kas pagulased end liigutamas? // Vaba Maa. 1927. 25. okt. No 250. Lk. 3.

зой¹⁶. От имени подозреваемых с опровержением подобного рода толков по этому делу в печати выступил Б. В. Энгельгардт¹⁷, но, кажется, разубедить общественность ему не удалось.

Вскоре в печати появилась более определенная информация, согласной которой некий эмигрант А. С. Луковский вместе с В. Г. Елисеевым и студентом А. Феофановым получили задание от местного руководства монархической организации совершить покушение¹⁸. На самом деле изложенная на страницах газет история была весьма туманной и противоречивой. Эстонская и зарубежная печать путались в догадках, выдвигая всевозможные версии. Так, например, сообщалось, что Луковский был, вероятно, агентом ГПУ, в задание которого входило скомпрометировать русских монархистов и вызвать осложнения в эстонско-советских отношениях; по другой версии, Луковский якобы явился к эстонским властям с заявлением о том, что местные монархисты его уговаривают совершить теракт в отношении советского полпреда. Согласно еще одной версии Луковский получил подобного рода задание от второго секретаря советского посольства в Таллине Таранова¹⁹. На это заявление советское посольство отреагировало нотой протеста, требуя опровержений²⁰, но эстонское правительство оставило ноту без внимания²¹, после чего в советских «Известиях»

¹⁶ <Б. н.> Обыски в Ревеле // Вести дня. 1927. 26 окт. № 290. С. 1; Läbiotsimised monarhistide juures // Vaba Maa. 1927. 27. nov. No 252. Lk. 4; <Б. н.> У кого были произведены обыски в Ревеле // Сегодня. Рига, 1927. 28 окт. № 244. С. 4.

¹⁷ См.: Энгельгардт Б. Письмо в редакцию // Наша газета. 1927. 29 окт. № 185. С. 4.

¹⁸ См. об этом: <Б. н.> Темная история или новая провокация ГПУ // Сегодня. 1927. 30 окт. № 246. С. 5; <Б. н.> Готовился ли в Ревеле террористический акт? // Вести дня. 1927. 31 окт. № 295. С. 1; <Б. н.> Сенсационные слухи // Наша газета. 1927. 1 нояб. № 187. С. 3; <Б. н.> Новые подробности об обысках и арестах в Ревеле // Наша газета. 1927. 3 нояб. № 189. С. 2.

¹⁹ См.: <Б. н.> Эстонская печать возмущена «ТАСС'ом» // Сегодня. 1927. 17 нояб. № 260. С. 4.

²⁰ См. Об этом: N. Vene ähvardab protestiga // Kaja. 1927. 16. nov. No 26. Lk. 3; Vene protest siseminister Hünersoni vastu // Vaba Maa. 1927. 16. nov. No 269. Lk. 3; Saadik A. Petrovski verbaalnoot // Päevaleht. 1927. 19. nov. No 316. Lk. 3; <Б. н.> Петровский требует опровержений // Сегодня. 1927. 20 нояб. № 262. С. 10.

²¹ См.: Документы внешней политики СССР. М., 1965. Т. X. С. 582.

была опубликована очень резкая статья об открытой враждебности Эстонии по отношению к СССР, которая особенно усилилась после разрыва англо-советских отношений, и о поддержке эстонским правительством деятельности русских белогвардейцев²². В результате эстонские власти решили поставить точку в этом деле, объявив, что инцидент возник исключительно из-за провокационных действий эмигранта Луковского, которого в конце декабря было предписано выслать из Эстонии, а русской эмиграции было высказано предостережение, что и в дальнейшем власти страны будут «твердой рукой» подавлять все подобного рода попытки враждебной деятельности против дружественных иностранных государств²³.

Итак, казалось бы, местные белогвардейцы опять потерпели поражение: очередное покушение было сорвано, руководители и активисты местного антибольшевистского движения были подвергнуты унижительным обыскам и допросам, благодаря шумной кампании, развернутой в эстонской и заграничной прессе, эмигранты опять были обвинены в неблагонадежности и подвергнуты критике. В целом складывалось впечатление, что русской эмиграции в Эстонии был преподнесен суровый урок, а беспокойный белогвардейский элемент загнан в глубокое подполье.

На самом деле, более детальное изучение фактов позволяет воссоздать несколько иную картину тех событий. Данная история началась с того, что в авг. 1927 г. эмигрант Александр Сергеевич Луковский и его жена начали посещать советское полномочное представительство в Таллине. 13 августа, в субботу, Луковский первый раз пришел в полпредство и попросился на прием к консулу для получения информации о возможности возвращения в СССР. Несмотря на то, что это был нерабочий день, он добился приема у секретаря консульского отдела Завилова, который, расспросив Луковского о сути его дела и о нем самом, попросил его немного подождать и вышел из кабинета. Через некоторое время в кабинет вошел другой человек, представившийся «товарищем Петром», который, как потом выяснилось, являлся вторым секретарем пол-

²² См.: <Б. п.> СССР и Эстония // Сегодня. 1927. 22 нояб. № 263. С. 1.

²³ См.: Eesti-Vene tüli lahendatud // Päevaleht. 1927. 22. dets. No 349. Lk. 5; Lukovski loo lõpp. Ametlik seletus // Vaba Maa. 1927. 22. dets. No 300. Lk. 3; Eesti valitsuse uus hoiatus emigrantidele // Rahva Sõna. 1927. 22. dets. No 248. Lk. 3; Konflikt Venega lahendatud // Kaja. 1927. 22. dets. No 299. Lk. 3.

предства Григорием Марковичем Тарановым, на деле же — резидентом разведки ИНО ОГПУ в Эстонии. Таранов попросил Луковского подробно написать свою автобиографию, заполнить анкеты и вместе с тремя фотографиями принести все в следующий приемный день²⁴. В своем отчете об этом посещении Таранов указывал, что Луковский представился бывшим секретарем эстонского отделения монархического русского центрального комитета, а также принес какие-то материалы. В этом же донесении Таранов предложил познакомиться с Луковским²⁵.

В следующее свое посещение полпредства 30 августа Луковский принес автобиографию и получил от Таранова задание написать о русской эмиграции и монархической деятельности в Эстонии с указанием как можно большего количества имен. В своем письме в центр от 1 сентября Таранов писал: «В прошлых двух почтах послан вам материал Луковского. Полагаю, что стоит его завербовать. Мой проэкт. Его жена с двумя детьми хочет поехать в Симбирск, к своей матери. В этой почте копии ее анкет и заявление, а подлинники нашим консульством сегодня же отправляются в НКВД. Ей необходимо немедленно разрешить въезд в СССР. Во-первых, это будет “залогом”, и мы сможем легче работать с ее мужем. Дабы местные белые крути (и верхушка их в первую очередь) не заподозрила измену необходимо: а) в Симбирске бросить в почтовый ящик письмо по адресу: Эстония, г. Ревель (Таллин), Нымме, Аптекарская улица, дом № 2, квартира 11. Людмиле Павловне Луковской. Содержание письма. Мать (Валентина Валерьяновна Янкович) просит свою дочь (Людмила Павловна Луковская) приехать в Симбирск с детками (двое детей). Причина приезда — старость матери и желание, чтобы дочь взяла на себя ведение хозяйства. Одновременно мать указывает, что возбудила ходатайство перед советскими властями о выдаче визы. Не мешало бы указать, что на въезд мужа (самого Луковского) пока рассчитывать нельзя, так как ему, как бывшему белому офицеру, не хотят выдать визы. Когда это письмо в Ревеле получит Луковский, он отправляется к местным “белым вождям”, которые его хорошо знают, и ставит вопрос так: “Получил письмо от матери жены. Про-

²⁴ См.: ERAF. Ф. 138. Оп. 1. Ед. хр. 7. Л. 71; ERA. Ф. 2140. Оп. 1. Ед. хр. 142. Л. 7—7 об.

²⁵ См.: ERAF. Ф. 138. Оп. 1. Ед. хр. 7. Л. 51.

сит приехать жену и детей. Исходатайствовала визу. Здесь приходится голодать". Если "вожди" против этого ничего не имеют, он ее пошлет. Примерно так. Далее она уезжает. Возможно, что ей дадут поручения, а если нет, то сама поездка полезна: залог для нас и возможность работать мужу. Ему много раз предлагали начать активную работу. Очень полезно войти в группу Байова, Энгельгардта. А для этого возможности есть. В отдельном конверте биография Луковского, удостоверения и др. Прошу возможно срочнее выполнить то, о чем пишу выше. За № 3022 от 01. 09 консульство послало в НКВД просьбу о восстановлении в гражданстве. Конечно, нужно только разрешить въезд в СССР. Пока выдал 5000 марок через секретаря консульства. Впредь Луковского буду называть Л (пока без цифры)»²⁶.

Весьма любопытна биография Луковского, которую он представил Таранову, согласно ей Луковский окончил два курса юридического факультета Донского университета (бывший эвакуированный Варшавский) и в 1916 г. был направлен в Донское военное училище в Новочеркасске, после окончания которого получил назначение на должность офицера для поручений при штабе 31-го армейского корпуса ген. Мищенко. В 1917 г. он был направлен в 46-й отдельный казачий полк, но по назначению не прибыл, т. к. полк ушел на Дон. Одиночным порядком Луковский прибыл на Дон, где жил до начала Гражданской войны, с началом которой встал на сторону белых и участвовал в работе штаба по обороне Морозовского района и командовал сотней. Затем служил в составе Северной группы войск ген. Фицхелаурова, где командовал сотней конного полка, действовавшего в Царицынском направлении. Потом служил в войсках ген. Мамонтова, в штабе Донской армии и адъютантом запасного казачьего полка. В феврале 1920 г. в бою был ранен и попал в плен. Скрыв свой офицерский чин, Луковский поступил на службу в Особое отделение Кавказского фронта Красной армии, работал в штабе Северного Кавказского военного округа. Вскоре он был вынужден раскрыть свое прошлое, для проверки был направлен в ВЧК на Дон, где получил удостоверение в благонадежности, и был направлен в Симбирск, где долгое время не мог найти работу и женился. Затем с женой, которая работала воспитателем в детдоме, переехал в Тверь. Здесь он по-

²⁶ Там же. Л. 52.

знакомился с есаулом Фроловым, чья любовница работала в ВЧК. Она сообщила, что по особому распоряжению всех бывших белых офицеров, находящихся на советской службе, по истечении надобности в их услугах предписано расстреливать. После этого вся компания решила бежать за рубеж и в 1922 г. перешла границу с Эстонией²⁷. К биографии Луковский также приложил удостоверения, подтверждавшие его работу в органах ВЧК²⁸.

5 сентября Таранов получил из Москвы письмо, в котором говорилось, что Луковский — «лицо, несомненно, для нас интересное, но прошлое очень сложно во время пребывания его у нас, и требует тщательной проверки, так как возможна провокация»²⁹. В результате начавшейся проверки оказалось, что служба Луковского в органах ВЧК полностью подтвердилась³⁰.

В следующие свои посещения полпредства Луковский приносил подробные доклад о деятельности монархистов в Эстонии, описание своей деятельности, сообщал о своих отношениях с генералов Горбатовским и Байовым, о собраниях монархистов, о выборах на Зарубежный съезд, о комитете «Дня русского инвалида», о белогвардейской разведке и деятельности полковников Б. В. Энгельгардта и Н. Л. Васильева, ротмистра И. Г. Калянского; о их сотрудничестве с английской и французской разведками, о ген. Васильковском, о разведывательных пунктах Энгельгардта в Эстонии, о том, кто переправляет литературу через границу, кто послал в Псков полк. Казанского, о содержании инструкций Кутепова³¹.

Таранов окончательно укрепляется в своем убеждении, что в его сети попала большая рыба и начинает закидывать Москву письмами, в которых просит ускорить процесс оформления документов на выезд в СССР семьи Луковского, чтобы уже начать запланированный им процесс внедрения Луковского в среду верхов русских белогвардейцев в Эстонии с целью их разложения изнутри и дискредитации³². Соответствующую работу Таранов начина-

²⁷ См. об этом: Там же. Л. 37—39.

²⁸ См.: Там же. Л. 16—18, 22, 24.

²⁹ Там же. Л. 8.

³⁰ См.: Там же. Л. 56—58, 62.

³¹ См.: Там же. Л. 113—116.

³² См.: Там же. Л. 68а.

ет вести и с Луковским, после каждого разговора давая понять, что надо действовать уже сейчас³³. Однако Москва не спешила, разумно предлагая еще раз все перепроверить³⁴.

И тут дело стало принимать неожиданный поворот: 19 сентября, в понедельник, т. е. не в установленный для встреч день, Луковский внезапно появляется в полпредстве и сообщает Таранову о готовящемся покушении на ответственного члена полпредства, организаторами которого являются Энгельгардт и Елисеев, что из Парижа прибыли 2 эмиссара Кутепова, которые направились в Тарту для подыскания исполнителей теракта среди русских студентов-монархистов, а в Париж для доклада о результатах подготовительной работы выехал Байов³⁵.

Об этом экстренно было доложено в Москву, и сам нарком иностранных дел Чичерин предложил срочно сообщить о покушении эстонским властям, но Таранову удалось убедить и полпреда, и Чичерина, что с этим стоит повременить до приезда Байова, чтобы взять его с поличным и доказать их осведомленность, тем более, что, по словам Луковского, покушения не будет до приезда Байова³⁶. Таким образом, план Таранова с внедрением Луковского временно отодвигался, т. к. глава местных белогвардейцев был в отъезде, а возможность публично и с доказательствами дискредитировать самую главную фигуру местных монархистов придавала операции Таранова еще больший размах и соблазнительные перспективы.

27 сентября жена Луковского пришла в полпредство и сообщила, что письмо из Симбирска получено, Луковский его показал Энгельгардту, и тот дает задание для Ленинграда и Москвы, а также деньги на дорогу. Таранов, окрыленный удачно складывающимися обстоятельствами, начинает интенсивно запрашивать центр о визах и паролях для явок³⁷. Однако Москва по-прежнему тянула, и терпение Таранова лопнуло — 2 октября он выехал в Москву для личных переговоров и разработки деталей операции. 11 октября

³³ См. об этом: ERA. Ф. 2140. Оп. 1. Ед. хр. 142. Л. 15 об.

³⁴ См.: ERAF. Ф. 138. Оп. 1. Ед. хр. 7. Л. 8.

³⁵ См. об этом: Там же. Л. 13.

³⁶ См.: Там же.

³⁷ См.: Там же.

Таранов вернулся в Таллин и узнал, что приходил Луковский, но его не застал³⁸.

14 октября вместо Луковского в полпредство пришла его жена, и Таранов с порога заявил ей, что для их поездки все готово: визы получены, от консульского сбора их освобождают и материально поддерживают их поездку до Симбирска. Пароли для явок также готовы. Но тут вдруг Луковская заявила, что муж заболел, и пока он не выздоровеет, они никуда не поедут. Для Таранова это было внезапным ударом — все, что так тщательно готовилось, теперь внезапно рушилось. Таранов вспылел и накричал на пришедшую, говоря, что они с мужем теряют доверие к ним со стороны советской власти. В ответ вспылила и Луковская, сказав, что раз так, то и разговаривать им теперь нечего, и вышла. Осознав, что сделал досадную оплошность, Таранов вслед Луковской крикнул, чтобы ее муж сам зашел поговорить³⁹.

Желая сохранить ситуацию под контролем и заодно проверить, действительно ли Луковский заболел, Таранов на следующий день послал к нему своего человека. Придя на дом к Луковскому, тарановский посыльный убедился, что Луковский на самом деле лежит в постели и, видимо, болен. Посыльный сообщил ему, что вчера на приеме вышло недоразумение, что Луковская с секретарем друг друга не поняли, на самом деле Таранов продолжает доверять Луковским и надеется на дальнейшее сотрудничество. Вечером тот же посыльный пришел опять и принес от Таранова 10 долларов, условившись, что Луковский придет на прием 25 октября⁴⁰.

Далее события начали разворачиваться совсем невероятным образом. 18 октября Луковский пришел в ныммескую префектуру полиции и подал заявление, написанное 17 октября, в котором изложил историю, повергнувшую полицейских в полное недоумение. В своем заявлении Луковский сообщал, что, посещая советское посольство в Таллине по делу о возможном выезде семьи в Советский Союз, он познакомился с неким работником посоль-

³⁸ См. об этом: ERA. Ф. 2140. Оп. 1. Ед. хр. 142. Л. 21 об.; ERAF. Ф. 138. Оп. 1. Ед. хр. 7. Л. 10.

³⁹ См. об этом: ERA. Ф. 2140. Оп. 1. Ед. хр. 142. Л. 15, 23 об.—24; ERAF. Ф. 138. Оп. 1. Ед. хр. 7. Л. 10, 13.

⁴⁰ См.: ERAF. Ф. 138. Оп. 1. Ед. хр. 7. Л. 10, 13; ERA. Ф. 2140. Оп. 1. Ед. хр. 142. Л. 22, 24—24 об.

ства, представившимся «товарищем Петром», который предложил посодействовать ему в этом деле взамен на согласие Луковского начать работу по освещению деятельности русской эмиграции в Эстонии. После нескольких свиданий «товарищ Петр» вдруг предложил Луковскому совершить покушение на одного из ответственных работников посольства. За это было обещано 200 долларов и паспорт в любую страну мира. По словам Луковского, этот работник посольства утверждал, что именно сейчас настал подходящий момент для совершения подобного рода провокации. При этом он добавил, что «мы <т. е. СССР. — Р. А.> бы никогда не добились от Польши того, чего мы добились после убийства нашего посланника в Варшаве товарища Войкова»⁴¹. До осуществления покушения надо было также отправить семью в СССР и собрать компрометирующие документы о деятельности монархистов на территории Эстонии и добиться их высылки.

Полиция была явно в недоумении, пытаясь понять, с кем она имеет дело — с сумасшедшим, провокатором или же, действительно, с жертвой советских спецслужб. Целый день 18 октября ныммеские полицейские размышляли над тем, что делать дальше, и только на следующий день Луковский был доставлен в Таллин в политическую полицию. Здесь тоже его дело вызвало замешательство, и лишь на следующий день комиссар политполиции подписал постановление о возбуждении дела и обыске квартиры Луковского. В результате обыска ничего не было найдено, а первый допрос был начат лишь вечером⁴².

На протяжении всех допросов Луковский неизменно держался представленной им версии событий, лишь дополняя ее мелкими подробностями и деталями.

Тем временем полпред А. М. Петровский начал проявлять беспокойство, т. к. пребывал в полном неведении относительно того, как разворачиваются события. Луковский за визами не приходил, потом оказалось, что он заболел гриппом; в то же время, по данным того же Луковского, в Тарту эмиссары Кутепова занимались вербовкой и подготовкой к покушению боевиков; в любой момент мог совершенно незаметным образом вернуться из Парижа ген. Байов, а он (полпред) и его подопечные ничего не знают

⁴¹ ERA. Ф. 2140. Оп. 1. Ед. хр. 142. Л. 4.

⁴² См. об этом: Там же. Л. 5—9 об.

и ждут вестей от больного Луковского. Учитывая все это, Петровский 19 октября решил посетить министра иностранных дел Эстонии Ф. Акеля и сообщить о том, что какие-то «темные силы» замышляют что-то против полпредства⁴³.

Встревоженный этим сообщением Ф. Акель 22 октября сам пригласил Петровского к себе и попросил сообщить подробнее о данных обстоятельствах. На что Петровский ответил, что пока точно ничего сообщить не может, так как материал систематизируется⁴⁴. Будучи в полном неведении о том, что происходит, Ф. Акель обратился к министру внутренних дел Я. Хюнерсону, но тот представил доклад по делу Луковского только 24 октября⁴⁵. В тот же день министром внутренних дел была созвана пресс-конференция, на которой он выступил с сенсационным заявлением о том, что эстонской полицией предотвращена очередная готовившаяся эмигрантами провокация. Намекая на убийство советского посла Войкова, на участие эмигрантов в злополучной операции «Трест», на скандал, устроенный местными монархистами на лекции Милюкова и на др. инциденты, Хюнерсон обрушился с гневной филиппикой на всю русскую эмиграцию, утверждая, что «этот элемент» давно уже потерял связь с реальной жизнью и что он способен отравить собой организм любого государства. В завершение министр угрожал эмигрантам сурово подавлять любые их действия, могущие испортить добрососедские отношения Эстонии с приграничными государствами⁴⁶. В тот же день в Таллине начались обыски и допросы видных представителей русских белогвардейцев.

Обыски и допросы никаких серьезных результатов не дали: все допрашиваемые в один голос отрицали существование в Эстонии централизованной монархической организации; в изъятой литературе и переписке ничего криминального обнаружено не было, и все подозреваемые были освобождены⁴⁷. Эстонская пресса, по началу подхватившая тон и содержание гневной речи

⁴³ См. об этом: Petrovski «tapmise» saladus paljastub // Vaba Maa. 1927. 17. nov. No 270. Lk. 3; ERAF. Ф. 138. Оп. 1. Ед. хр. 7. Л. 15.

⁴⁴ См. об этом: Там же.

⁴⁵ См.: ERA. Ф. 2140. Оп. 1. Ед. хр. 142. Л. 2.

⁴⁶ См. об этом: Eesti provokatsioonide keerises // Rahva Sõna. 1927. 25. okt. No 198. Lk. 1.

⁴⁷ В этой связи см.: ERA. Ф. 2140. Оп. 1. Ед. хр. 142. Л. 117–123.

министра Я. Хюнерсона в адрес русских эмигрантов, постепенно начала склоняться к мысли о том, что вся эта история — очередной плод работы ГПУ. Особенно явно такие умозаключения стали появляться на страницах газет после публикаций разоблачений Опперпута-Стауница в рижской газ. «Сегодня»⁴⁸, а также после начавшегося судебного процесса над бывшим посланником Эстонии в СССР Адо Бирком⁴⁹, на котором также были вскрыты зловещие механизмы и приемы работы ГПУ. Незадолго перед тем в эмигрантской печати появились публикации Л. В. Бурцева и В. В. Шульгина, посвященные той же тематике⁵⁰.

Полпред и Таранов определенно были поражены произошедшим, стараясь объяснить такой неожиданный поворот событий. Однако признаться себе в том, что их, кажется, попросту одурачили, они все-таки не могли. Петровский по-прежнему продолжал считать, что Луковский сотрудничал с ними искренне и его сведения о готовящемся покушении были достоверны. В своем письме в Москву Петровский писал: «Мы полагаем, что Луковский говорил правду. Об этом свидетельствует и то, что о работе монархистов писала на днях “Пяэвалехт” и тот факт, что нас усиленно, хотя и не демонстративно, охраняют. Но, если он говорил правду, то чем объяснить его показания полиции. Здесь возможны два предположения: Луковский сам раздумал или был захвачен эстонцами, решив покаяться в такой форме, которая приятнее всего полиции и удобнее всего ему. Второе: Луковский рассказал правду, но полиция подсунула более удобный для нее вариант, для того, чтобы использовать против нас. Это последнее более вероятно»⁵¹.

⁴⁸ См.: <Б. и.> Опперпут о себе самом (Показания чекиста-provokatora Опперпута, данные им в Гельсингфорсе после бегства из СССР) // Сегодня. 1927. 30 окт. № 246. С. 3; 1 нояб. № 246а. С. 3; 2 нояб. № 247. С. 3; 3 нояб. № 248. С. 3.

⁴⁹ См. об этом: *Medijainen E.* Birgiaadist. Eesti sidemetest ja Roman Birgi rollist Nõukogude vastuluure operatsioonis «Trust» aastail 1922—1927 // Luuramisi. Salateenistuste tegevusest Eestis XX sajandil. Tallinn, 1999. Lk. 67—90.

⁵⁰ См.: *Бурцев Л. В.* В сетях Г. П. У. // Иллюстрированная Россия. Париж, 1927. 8 окт. № 41; *В. В. Шульгин* о своей поездке в Советскую Россию: Послесловие к «Трем столицам» // Россия. 1927. 15 окт. № 8. Более подробно об этом см.: *Флейшман Л.* В тисках провокации: Операция «Трест» и русская зарубежная печать. М., 2003.

⁵¹ ERAF. Ф. 138. Оп. 1. Ед. хр. 7. Л. 15.

Именно с последней версией полпред предлагал наркомату иностранных дел СССР выступить в печати.

Наркомат согласился, но запросил каких-нибудь веских, подтверждающих факт готовившегося монархистами покушения документов. Например, собственноручное заявление Луковского о покушении. Полпредство в Таллине стало пересматривать имевшиеся у них материалы Луковского и... выяснилось, что такого документа нет⁵². Сообщение Луковского о готовящемся покушении было зарегистрировано с его слов и только. Дальше — больше. Оказалось, что единственным документом с его подписью являлась его автобиография, в которой он рассказывал о своей работе в органах ВЧК. Его описания деятельности белогвардейцев в Эстонии в большей части касались периода 1922—1926 гг.; точных данных о разведывательной деятельности они не содержали; о функционировании таких организаций как, например, Комитет «Дня русского инвалида», информация была доступна любому, достаточно было взять настольный календарь или газету; содержание инструкций ген. Кутепова по сбору информации о Красной армии не представляло из себя чего-нибудь специфического, такой список заданий мог составить любой военный. Далее оказалось, что в Париж ген. А. К. Байов ехать и не собирался, а поехал туда кап. Н. А. Байков⁵³; про загадочных эмиссаров Кутепова тоже никто ничего не слышал...

Однако какое-то объяснение истории с покушением все же надо было озвучить, и Петровский выступил со своей версией, согласно которой в августе Луковский пришел в полпредство за визой и сообщил, что на полпреда готовится покушение, а исполнителями назначен он, Луковский, и его помощники — секретарь Комитета эмигрантов Елисеев и некий тартуский студент Феофанов⁵⁴. Об этом было сообщено в Москву, и в ближайшее время Петровский планировал оповестить о том же эстонские власти. В данной версии сразу же в глаза бросалось явное несоответствие — бывший есаул В. Г. Елисеев не являлся секретарем Комитета эмигрантов, таковым на деле был прапорщик С. А. Самсони-

⁵² См. об этом: Там же. Л. 14.

⁵³ См. об этом: ERAF. Ф. 138. Оп. 1. Ед. хр. 47. Л. 183; GPU ametnikud kavatsesid Petrovskit tappa? // Rahva Sõna. 1927. 2. nov. No 205. Lk. 1.

⁵⁴ См.: Там же.

евский⁵⁵, Елисеев был секретарем Комитета «Дня русского инвалида», об этом знал каждый эмигрант и эстонские власти тоже⁵⁶. Как явствовало из допросов в полиции Елисеева, Луковского и лиц, их знавших, Елисеев и Луковский уже больше года находились в ссоре и друг с другом не общались⁵⁷. Студента А. Феофанова вообще никто не знал, а по сообщению тартуской полиции, он ни в каких сомнительных организациях не состоял⁵⁸. Сам же Феофанов в газетах выступил с опровержением утверждения полпреда и требованием публичных извинений⁵⁹.

Вскоре в газетах все чаще стали появляться заметки с названиями типа «Сотрудники ГПУ собирались убить Петровского?», «ГПУ готовило псевдопокушение на полпреда Петровского», «Провокационная сеть ГПУ в Таллине»⁶⁰ и т. д. К этому добавилось и то, что 8 ноября А. С. Луковский по распоряжению судебных властей был освобожден⁶¹ и начал давать интервью прессе, в очередной раз, но уже лично, озвучив свою версию о том, что второй секретарь советского полномочного представительства Таранов пытался его завербовать в целях осуществления фиктивного покушения на жизнь полпреда Петровского⁶². Теперь последние иллюзии и Таранова, и Петровского в отношении Луковского были полностью развеяны.

⁵⁵ В данной связи см.: ERA. Ф. 1. Оп. 7. Ед. хр. 28. Л. 166; Русский календарь для Эстонии на 1924 г. Ревель: Изд. «IRA», <1923>. С. 100; Русский календарь для Эстонии на 1931 год. Ревель, <1930>. С. 69; Русский календарь для Эстонии на 1933 год. Таллин, <1932>. С. 106.

⁵⁶ См.: Байов А. «День русского инвалида» // Последние известия. 1926. 5 сент. № 199. С. 3; <Б. п.> Хроника // Час. 1926. 7 июня. № 27. С. 1.

⁵⁷ В данной связи см.: ERA. Ф. 2140. Оп. 1. Ед. хр. 142. Л. 38-39.

⁵⁸ См.: Там же. Л. 40-40 об.

⁵⁹ См.: Открытое письмо студ. Феофанова // Вести дня. 1927. 5 нояб. № 300. С. 2.

⁶⁰ См.: GPU ametnikud kavatsesid Petrovskit tappa? // Rahva Sõna. 1927. 2. nov. No 205. Lk. 1; Б. С. ГПУ готовило псевдопокушение на полпреда Петровского // Сегодня. 1927. 3 нояб. № 248. С. 2; GPU provokatsioon võrk Tallinnas // Päevaleht. 1927. 2. nov. No 299. Lk. 3.

⁶¹ См. об этом: «Tarja» vabastati // Rahva Sõna. 1927. 8. nov. No 210. Lk. 3.

⁶² См. об этом: <Б. п.> Тайна готовившегося «покушения» // Вести дня. 1927. 10 нояб. № 305. С. 1; Korraldavad üksteisele kallaletungimisi // Kaja. 1927. 11. nov., No 254. Lk. 5.

Оставалась последняя надежда на арест курьера местных монархистов к Кутепову Н. А. Байкова, который должен был скоро вернуться из Парижа с инструкциями и другими компрометирующими материалами. Однако и в случае с Байковым советское полпредство ждало полное разочарование. 15 ноября Байков был арестован на пограничном пункте в Валга. Тут же был произведен обыск, по ходу которого ничего компрометирующего найдено не было. обстоятельный допрос также не дал прогнозируемых результатов. Байков утверждал, что в Париж он поехал для поиска работы, никаких заданий от Байова, Энгельгардта и Калянского не получал; имя генерала Кутепова ему известно, но не более того; в монархических организациях он никогда не состоял и ничего не слышал⁶³. Вскоре дело было закрыто и постановлением министра внутренних дел от 21 ноября Н. А. Байков был освобожден⁶⁴.

Это было уже полное фиаско. Таранов в своем донесении в Москву писал, что «эстонцы окончательно обнаглели и особо живо разоткровенничались в последнее время»⁶⁵. И хотя он еще пытался найти хоть какие-нибудь положительные стороны этого дела, было ясно, что в складывающейся ситуации и он, и полпред, и Народный комиссариат иностранных дел СССР были близки к панике. В том же письме он, как бы подбадривая, писал, что «совершенно ясно, что мы не должны поддаваться панике, вести по отношению к ним (эстонцам) по этому делу совершенно твердую и ясную линию»⁶⁶. Далее он предлагал «извратить всю эту историю», перевернув факты с ног на голову: мол, министр Ф. Акель сказал в своей беседе с Петровским, что Луковский раньше служил в эстонской политической полиции, которая тесно сотрудничала с монархистами⁶⁷.

Эта мысль была одобрена, и А. М. Петровский представил в министерство иностранных дел Эстонской Республики официальную вербальную ноту, в которой впервые была озвучена советская версия истории с Луковским⁶⁸. Однако, как отмечалось в прес-

⁶³ См. об этом: ERA. Ф. 852. Оп. 1. Ед. хр. 1250. Л. 5—8.

⁶⁴ См.: Там же. Л. 14.

⁶⁵ ERAF. Ф. 138. Оп. 1. Ед. хр. 47. Л. 68.

⁶⁶ Там же. Л. 70.

⁶⁷ Там же.

⁶⁸ См. об этом: *Saadik A. Petrovski verbaalnoot // Päevaleht. 1927. 19. nov. No 316. Lk. 3.*

се, объяснения эти не звучали убедительно и были оглашены с большим опозданием, что, в свою очередь, свидетельствовало о явном замешательстве советского посольства⁶⁹.

Крыть было больше нечем, и советское правительство решило перейти к агрессивным действиям, выразив сначала протест по делу Луковского, а затем вручив вербальную ноту послу Эстонии в Москве⁷⁰. В советских газетах появились статьи, в которых утверждалось, что русские белогвардейцы в Эстонии при поддержке эстонских властей и английской разведки подготавливали провокацию и покушение на советского полпреда, что, мол, сам министр иностранных дел Эстонии признался, что Луковский «поддерживал связь с эстонской полицией»; что министр внутренних дел Эстонии на пресс-конференции 25 октября, «констатируя оживление деятельности монархической эмиграции в Эстонии, обвинил в этом... советское правительство»⁷¹.

Несмотря на то, что в эстонской прессе с возмущением было указано на чудовищную подтасовку фактов, не соответствующих действительности, в то же время печать также обрушилась и на министра внутренних дел, высказывания которого якобы могли дать повод для подобного рода инсинуаций⁷². В результате эстонские власти решили поставить точку в этом деле, объявив, что инцидент возник исключительно из-за провокационных действий эмигранта Луковского, которого в конце декабря было предписано выслать из Эстонии, а русской эмиграции было высказано предостережение, что и в дальнейшем власти страны будут «твердой рукой» подавлять любые попытки враждебной деятельности против дружественных иностранных государств⁷³.

⁶⁹ См.: *N. Vene saatkonna esimesed kirjalikud andmed Lukovski kohta // Vaba Maa*. 1927. 19. nov. No 272. Lk. 3.

⁷⁰ См. об этом: *Документы внешней политики СССР*. М., 1965. Т. X. С. 582.

⁷¹ См.: ERA. Ф. 957. Оп. 1. Ед. хр. 505. Л. 3.

⁷² См.: *N. Vene ähvardab protestiga // Kaja*. 1927. 16. nov. No 268. Lk. 3; *Vene protest siseminister Hünersoni vastu // Vaba Maa*. 1927. 16. nov. No 269. Lk. 3; *Kindralkuberner traditsioonid // Vaba Maa*. 1927. 16. nov. No 269. Lk. 3.

⁷³ См.: *Eesti-Vene tüli lahendatud // Päevaleht*. 1927. 22. dets. No 349. Lk. 5; *Lukovski loo lõpp. Ametlik seletus // Vaba Maa*. 1927. 22. dets. No 300. Lk. 3; *Eesti valitsuse uus hoiatus emigrantidele // Rahva Sõna*. 1927. 22. dets. No 248. Lk. 3; *Konflikt Venega lahendatud // Kaja*. 1927. 22. dets. No 299. Lk. 3.

Тем не менее, никто из замешанных в этой истории русских эмигрантов сурово наказан не был. Луковский, как мы знаем, был освобожден из-под стражи и переехал в Пярну⁷⁴. С Н. А. Байкова также были сняты обвинения, и он для видимости наказания был выслан из Таллина в Тарту⁷⁵. Вся «верхушка» местных белогвардейцев во главе с А. К. Байковым и Б. В. Энгельгардтом никак не пострадала, продолжая жить своей жизнью. А вот второму секретарю советского полномочного представительства и по совместительству резиденту советской разведки в Эстонии Г. М. Таранову в связи с провалом предписано было покинуть Эстонию и вернуться в СССР⁷⁶. Таким образом, белогвардейской контрразведкой был «ликвидирован» резидент ИНО ОГПУ в Эстонии. Но был и еще один положительный для «эстонских белогвардейцев» момент: теперь можно было отрапортовать в Париж ген. Кутепову, что запланированное покушение, несмотря на всю проделанную подготовительную работу, сорвалось и вряд ли оно возможно в ближайшем будущем.

⁷⁴ См.: ERA. Ф. 2140. Оп. 1. Ед. хр. 142. Л. 115 об.

⁷⁵ См. об этом: ERA. Ф. 852. Оп. 1. Ед. хр. 1250. Л. 37; <Б. н.> Высланный из Ревеля Н. А. Байков выехал в Юрьев // Вести дня. 1927. 26 нояб. № 321. С. 1.

⁷⁶ См. об этом: Taranov lahkub // Rahva Sõna. 1927. 22. nov. No 222. Lk. 5.